

Говорят, самый жуткий страх вызывает неизвестность, щемящее ожидание беды, которая может случиться, а может обойти стороной. Ощущение надвигающейся катастрофы. Не зная, случится ли она, люди сходят с ума, мучают себя и окружающих, выдумывают жуткие, полные кошмарных подробностей горести, от которых сами и страдают. Страх того, чего нет, – самый сильный. Потому что идет изнутри. Потому что мы сами лишаем себя надежды на то, что все будет хорошо. Что все получится. Что сумеем прыгнуть выше головы.

Очень сильное чувство.

Очень интересное с литературной точки зрения.

Страх стал темой конкурса журнала «Юность» в рамках литературной смены арт-кластера «Таврида», и я с радостью представляю вам его лучшие рассказы.

Вадим Панов

ятся, скорее, не просто смерти, а *небытия* (не зря же мы Кьеркегора в начале вспомнили). А уже что может довести до небытия – другой вопрос: и нож в бок, и ядовитый паук на берегах Амазонки, и даже финик, неудачно застрявший в горле. С некоторыми страхами люди рождаются, это такие предустановки в биологическом коде – сигнализация, предупреждающая о базовых опасностях: резком звуке, непонятной тени, уходящих из-под земли ногам и, как считают некоторые, змей и пауков. Так у всех млекопитающих, просто эти прелестные животные совсем не похожи на нас и даже на лисичек с котиками (тем не менее некоторым это держать несколько экзотических тварей в аквариуме не мешает).

Другой вид страхов люди приобретают на протяжении жизни – они, как вирус, передаются от человека к человеку. Это может происходить через родительские шаблоны или через, скажем так, государственный аппарат. Если человека постоянно намеренно пугают чем-то, то он, сам того не заметив, станет этого бояться – такая вот незатейливая технология.

Самое забавное, что от страха почти всегда можно получать кайф, да еще какой. Чаше от врожденного, чем от приобретенного, но факт остается фактом, вот нас и тянет ходить в кино на ужастики, травить друг другу истории у костра и даже прыгать с парашютом. Тут в игру опять вступает биология: в организм впрыскиваются химические элементы (норадреналин, эндорфины, дофамин). Этот коктейль придает человеку сил, задора и даже обезболивает на некоторое время. Так что тех, кто часто ходит на фильмы ужасов, можно и наркоманами назвать – но это, конечно же, шутка. Надо же хоть как-то разбавлять текст об ужасах, правильно?

Пугаться полезно. Почти как пить хорошее вино – если по бокальчику в день, то организм очень даже скажет спасибо, а если выдуть три бутылки залпом – ну, несложно догадаться.

Итак, почему же человек боится? Ответ прост, как на экзамене, к которому не выучил ни одного билета, – *потому что*. Потому что люди не могут не бояться. Ясно дело, что такой ответ никого не устроит, поэтому соберем все причины воедино. Раз – без страха не будут работать другие эмоции; два – мы перестанем чувствовать опасность, а девиз «слабоумие и отвага» ни до чего хорошего не доведет; три – страх может принести удовольствие; четыре – ужасы в малых количествах укрепляют нервы и готовят нас к встрече с большими опасностями.

И нет, Лавкрафт и его твари иных категорий тут ни при чем.

Ужасная литература, или История хоррор-жанров

Информацию нужно принимать постепенно, как комплекс таблеток. С утра – выпить что-нибудь для памяти, днем – для сердца, ну а вечером и аскорбинку можно себе позволить (автор текста не несет ответственности за резкое читательское желание сбежать в аптеку за аскорбинкой). Поэтому, прежде чем двигаться к центральной теме надо поговорить и об истории хоррор-литературы – откуда этот зверь вообще взялся, кто его слепил?

Если обернуться назад во времени без всяких хитроумных устройств, просто пару часов просидев в библиотеке, станет ясно, что *ужасов как жанра* изначально не было. Существовали отдельные пугающие элементы фольклора и мифологии: склизкие водяные, бесконечные ассирийские демоны, египетские обитатели подземного мира Дуата с головами змей, скандинавские драконы, черти с картин Босха, японские демоны *они*, арабские гули (ожившие мертвецы), индийские наги, греческая Химера... вот лишь первое, что приходит на ум. Но это – уж извольте – *не то*, эпос никогда не был связан с попыткой конкретно напугать человека жуткими образами. Конечно, он должен был присмирять перед богами, внушать благочестивый страх, но это уже совсем иная роль. Исследователь Девдугт Паттанаик вообще считает, что все жуткие образы мифологии – лишь инструмент вызывать к ней интерес и улучшить ее запоминание через поколения; тяжело стереть из памяти тварь с семью руками и девятью головами. Человек испытывал страх сначала перед пугающей и неукротимой природой, потом – перед богами и уже много после перед тем, что не понимает сущности мира. Вождь племени страшился гнева пламени и ветра, древний грек – проклятий Зевса, который усмирил природу в лице титанов, а ученый двадцатого века – мира, внезапно оказавшегося слишком непонятным.

В Средневековье были популярны ужасы, навеянные все той же богобоязностью, – истории об одержимых вполне себе можно считать хоррором, а уж сны об адских муках – тем боле. Такие сюжеты часто встречались в европейском аналоге жанра «жития». Это были скорее нравоучения, намекающие человеку, что жизнь надо вести исключительно праведную, хоррор там оказывал необходимый терапевтический эффект – об этом мы уже вспомнили и обязательно вернемся еще. Все эти истории, кстати, потом легли в основу «Божественной комедии» Дан-

Предромантизм связан непосредственно с *мистикой*, а она – совсем не то же самое, что ужасы. В первом случае нагнетается лишь напряженная, таинственная атмосфера – автор вовсе не ставит перед собой задачу напугать читателя, максимум – нервишки пощекотать.

те. В то же время славу сыскали и так называемые *Bisclavret* – истории из двенадцати стихотворений об оборотнях поэтессы Марии Французской. Это были так называемые *лэ*, поэзия особой группы, которую часто ассоциировали с фантастикой. И там были оборотни! Здорово же, да? А иногда появлялись даже связи реального человека с некоей мистической феей – это, можно сказать, стало центральной сюжетной канвой многих *лэ*.

Современный хоррор принято связывать с готической традицией – и архитектурной, и, безусловно, литературной. Поэтому именно в Европе зарождается *готический романтизм* (предромантизм), который очень тесно связан с мистическими образами: «Лесной царь» Гете, всем известный «Франкенштейн» Мэри Шелли и даже баллады Жуковского, подхватившие эту традицию (ожившие трупы там появлялись раз на раз, отдадим мастеру должное). Но это, удивитесь, все еще не то.

Предромантизм связан непосредственно с *мистикой*, а она – совсем не то же самое, что ужасы. В первом случае нагнетается лишь напряженная, таинственная атмосфера – автор вовсе не ставит перед собой задачу напугать читателя, максимум – нервишки пощекотать. То есть, возвращаясь к тому же «Франкенштейну», справедливо заметить, что Мэри Шелли писала скорее триллер, чем откровен-

ные ужасы. А вот работая над хоррором, автор ставит в самом верху списка задач пункт «напугать читателя» («...и заставить купить новые штаны»), чтобы с помощью страха и ужаса выйти на определенную тему. Например, показать, что за любое зло надо платить: только тогда нужно ставить в центр не лучезарное и сияющее, как после стиральной машинки, добро, а пугающее зло.

Немного научных данных: исследовательница Эдит Биркхед создает классификацию ужасов, согласно которой некоторые романы готической традиции все же можно отнести уже непосредственно к хоррору. Это, например, работы Гофмана и Мэтью Грегори Льюиса (самое громкое его произведение – «Монах»). Если же говорить о России, то Жуковский принес на родину семя романтизма, которое проросло ужасами... нет, не Гоголя – до Николая Васильевича успели постараться другие славные ребята.

В «наполеоны хоррора» метил, например, Орест Сомов, решивший ударить читателей по голове украинскими фольклорными образами еще до Гоголя. Тут можно просто взглянуть на названия авторских повестей: «Самоубийца», «Киевские ведьмы», «Русалка», «Оборотень». Хотя, придется признать, что эти произведения оставались данью уважения мистической традиции готического романтизма, но уже вполне себе мутировали. Куда ближе к понятию хоррора подобрался Александр Бестужев-Марлинский. Его сборник повестей «Страшное гадание» по своей мрачности обогнал работы коллег: тут и колдуны, и говорящие мертвецы, и сам дьявол. Не тот обаятельный, что цокает копытами и нянчится с Фаустом у Гете, а именно тот, который призван напугать читателя. Выше головы, конечно, прыгнул Антон Погорельский, действительно начавший пугать. Если даже сейчас вечером почитать «Лафертовскую маковницу» или «Черную курицу» (на минуточку, детское произведение!), прилив адреналина и марш мурашек по спине обеспечен. Поверьте, это жутко, а уж для времени публикации наверняка казалось до чертиков пугающе.

Потом пришел Гоголь и стал, по сути, родоначальником русского хоррора. Соединил фольклор, мистику, победу зла над добром и начал пугать русский народ – как минимум «Вий» уж точно призван довести читателя хотя бы до одной бессонной ночи, больше – лучше. Все эти «поднимите мне веки» и холодные мертвые панночки... Конечно, и мистики у Гоголя хватало – «Невский проспект», «Портрет» (там тоже есть элементы хоррора), да

цели ее работы. На стимулы, вызывающие страх, реагирует та часть нашего психического аппарата, которая находится вне поля сознания, срабатывает инстинкт самосохранения. И только потом, когда сигнал об опасности дошел до сознания, осознается и нереальность этой опасности».

Тут всплывает один побочный, можно даже сказать технический, нюанс: разве не лучше, условно говоря, спрашивать о том, как рубить деревья, непосредственно у дровосека, а не у эксперта-эколога по посадке сосен? Иными словами, а что думают сами авторы хоррора об этом парадоксе нашего сознания? Татьяна Мاستрюкова, автор мистических и хоррор-романов «для молодых взрослых», отвечает коротко, но метко:

«Когда появился сам жанр страшной истории, ужасстика, это и были только слова. Только слова, мастерство рассказчика, и воображение слушателей».

Итак, хорошо, решили: боимся текста, и все уж тут, деваться некуда. Проведем еще один эксперимент (даже призываем повторить его дома): если предложить человеку страшное кино, страшную книгу и страшную картинку – чего он больше напугается? Вероятнее всего, призовые места распределятся в соответственном порядке – то есть страшнее всего будет кино, далее – книга, ну и где-то там в отстающих – картинка. Исключений никто не отменял, на них вообще строится добрая половина принципов статистики, но не об этом. Алина Голубева рассказывает, почему происходит именно так и кино носит лавровый венок победителя:

«При просмотре кино задействовано больше анализаторов и меньше возможностей контролировать ситуацию, поэтому возникают более интенсивные эмоции страха. При чтении книги сохраняется больший контроль, отсутствует эффект внезапности, воссоздание описываемых страшных картин происходит из того материала, который уже есть в психике, то есть знаком ей, поэтому вызовет менее выраженную тревогу. Жуткое изображение вызовет менее интенсивную реакцию, чем книга, так как оно понятно и завершено, при чтении же книги создается больше простора для воображения, «дорисовывания» пугающих картин, что и обеспечивает более сильные эмоции».

Так, хорошо, уяснили – никаких скримеров, ну и ладно. И даже на SGI бюджет не выделишь – все держится на читателе, притом даже в большей степени, чем на авторе. Но куда же тогда податься писателю? Что такого крикнуть и подклеить скотчем, чтобы текст пугал до мурашек? Можно выделить два главных приема: использование звуков и запахов.

Татьяна Мастрюкова успела наиграться с обоими способами, а читатели – ощутить на себе всю мощь авторской власти. В романе «Приоткрытая дверь» постоянно скрипели половицы, что-то странное скреблось за стеной, лягали двери, а в «Болотнице» героиню вместе с читателями сопровождал запах гнили, тины и, соответственно, болота. Прочие ужасы здесь опускаются ради сохранения здорового сна читателя. Две эти категории – звук и запах – действительно универсальны. Но опять же, непонятно, почему это пугает *внутри текста*. Звук мы не слышим, в отличие от скримеров в кино, запахи – уж тем более не чувствуем. Татьяна Мастрюкова рассказывает, как это работает:

«У человека не самое острое зрение, даже в очках. Зато все хорошо со слухом и обонянием. Особенно с обонянием. Запах может вызвать у нас всю гамму чувств, воспоминаний, эмоций. Марсель Пруст семь томов написал, навеянных одним лишь ароматом печенья. Один и тот же запах может быть неприятным и восхитительным, смотря с чем и кем ассоциируется. Аромат жасмина может вызвать приступ паники, если будет известно, что именно такими духами пользуется жестокий убийца – запах будет означать, что опасность совсем рядом».

И звуки... Мы можем привыкнуть к бесконечному городскому шуму, не реагировать на отбойный молоток на стройке под окнами, не слышать тиканье часов – это привычные звуки, из которых состоит наша безопасная обычная жизнь. Но если сюда добавляется что-то чужое, неожиданное, неправильное, ухо меновенно улавливает это, и мы напрягаемся, пока не убедимся, что нам не грозит опасность. Кто-то чихнул в соседней комнате. Страшно? Нет. А если вы в полном одиночестве в заброшенном доме где-то в безлюдной местности?»

Алина Голубева дает небольшой психологический инсайт о том, почему мозг боится даже написанных звуков:

«Наш мозг воспринимает все привычное и понятное как безопасное, и наоборот. Все, что незнакомо, непонятно, воспринимается как угрожающее, это обусловлено работой того же инстинкта самосохранения. Поэтому, сталкиваясь с чем-то непонятным и странным, в том числе со звуками, при воссоздании описанной в книге реальности, психика реагирует тревогой и беспокойством. Когда создается таинственность вокруг звука, применяются яркие, выразительные средства его описания, мозг тут же начинает воссоздавать, дорисовывать воспринятое, в связи с чем и нарастает тревога. Внезапность же трудно выразительно описать, и сразу

Жанр подпитывается со всех сторон. Но все же надо иметь в виду, что гибкость подросткового сознания – меч обоюдоострый, и о него может порезаться сам рыцарь.

понятно, о чем идет речь, поэтому она не вызывает сильных эмоций».

Итак, звук – непривычен, потому и пугает, запах работает на уровне ассоциаций, а мозг все просто умело воссоздает из печатных букв. Но бывает и такое, что написанное может взывать физическое ощущение: холодное прикосновение, щекотку чужого дыхания на шее... вот тогда страх пронизывает насквозь, и уже жалеешь, что нельзя спрятаться под одеялом. Тут книге даже не обязательно быть хоррором – допустим, героя так сильно и правдоподобно бьют, что начинает ныть живот; от описания трупных мух и тухлятины – тошнит; мастерски описанное падение и головокружение можно пережить, и так далее, и тому подобное. Почему так происходит, рассказывает Алина Голубева:

«Это связано с особенностями работы нашего мозга по воссозданию картины реальности: как только в области психического появляется какой-либо объект-стимул, к нему начинает подтягиваться вся уже имеющаяся связанная с ним информация, рефлекторно вызывая сопутствующие ощущения».

В самом начале у нас получилось выяснить, что испытывать страх – полезно. Но чтение хоррора – это, по сути дела, *обман сознания*: человек заставляет мозг по-настоящему глючить, пользуется его багом для того, чтобы вызывать страх без реальной на то причины. Оказаться в темноте – вполне себе повод для выброса в организм адреналина, но *представить темноту* – откровенное читерство. А ведь многие действительно читают ужасы лишь для того, чтобы напугать себя, – нравится людям щекотать нервы. Татьяна Мاستрюкова – о том, почему таким образом «хакать мозг» весьма полезно:

«Благодаря страху мы ощущаем себя живыми. Мы привыкли сдерживать и скрывать свои эмоции, а страшилки позволяют нам получить необходимую разрядку. Хорроры, будь то книги или фильмы, позволяют нам испытать страх без угрозы для жизни. Просто и безопасно получить необходимую дозу адреналина. К тому же мы можем самостоятельно контролировать уровень и количество страха. И даже ощутить некоторое чувство превосходства – мы-то знаем, как глупо порой себя ведут герои хорроров, не то, что мы».

Достаточно много ужасов приходится на долю подростковой литературы. Тому есть много объяснений: в этом возрасте и потребность в адреналине больше, и «отходняк» куда меньше, да к тому же издатели, видя спрос, стараются делать еще больше предложений, а разнообразие всегда привлекает. Жанр подпитывается со всех сторон. Но все же надо иметь в виду, что гибкость подросткового сознания – меч обоюдоострый, и о него может порезаться сам рыцарь. Еще одна метафора: если слишком долго мять кусок пластилина, можно проделать в нем дырку. То же самое и с подростковой психикой: а насколько хорошим тренингом для них становится чтение хоррора? Алина Голубева рассказывает:

«Да, чтение может быть своеобразным тренингом, проигрыванием пугающих ситуаций в безопасных условиях, что снизит интенсивность реакции страха на пугающие ситуации и позволит действовать более эффективно. Но здесь все-таки необходимо проконсультироваться со специалистом (психологом или психотерапевтом), так как в ряде случаев может и усилить, и больше зафиксировать имеющиеся страхи. Если подросток впечатлительный, испытывает сильные эмоции страха при чтении, не может с ними справиться, картины прочитанного могут послужить материалом и для кошмарных снов. При этом здесь все зависит от индивидуальной чувствительности, но тревожный, склонный к формированию фобических реакций подросток в принципе вряд ли станет увлекаться чтением данного жанра».

А вот что говорит Татьяна Мастрюкова, в конце подбрасывая дополнительный парадокс на обсуждение:

«В тревожном подростковом возрасте, когда все привычное, безопасное и понятное внезапно оказывается совершенно другим, чуть ли не противоположным по ощущениям, хорроры, будь то литература или кино, особенно необходимы. Они помогают сбросить хотя бы часть того эмоционального на-

пряжения, в котором подросток ежедневно варится, и это самый безопасный способ. К тому же увлечение хоррорами выглядит эпатажно, вызывая, кажется возмущителем спокойствия, что придает дополнительную привлекательность в глазах юношей и девушек. Кстати, современные писатели и создатели ужастиков в большинстве своем веселые, дружелюбные и законопослушные люди. Может быть даже благодаря любви к хоррорам.

Сколько раз я слышала от подростков хвастливое «меня не пугает даже Стивен Кинг». А взрослых пугает, потому что описывает ужасные ситуации, с которыми приходится сталкиваться взрослому человеку, и взрослый понимает, какие будут последствия. Подросток в силу своего возраста и небольшого опыта просто не считывает эту пугающую информацию. Чаще всего у Кинга это не монстры, а житейские ситуации и люди, причем описываемые безо всякой мистики».

Напоследок – время лайфхаков. Можно ли обмануть мозг и заставить его перестать бояться хоррор-литературы? Вот как считает Алина Голубева:

«Способы преодоления страха перед книгами-ужастиками существуют – это в том числе постоянное возвращение своего внимания к тому, что воспринимаемый объект воображаемый, но вместе с тем и пропадет интерес к данному жанру, так как привлекательность для читателя как раз и обусловлена потребностью в ярких, будоражащих эмоциях».

В конце любой статьи положено делать какие-либо выводы... что же, попробуем. Итак, мозг и сознание – две огромные адские машинки, которые можно взломать самым разным образом. Страх нужен для поддержания уровня других эмоций и для того, чтобы работала сигнализация, предупреждающая об опасностях. Но кидаться камнями в стаю голодных волков или стоять на краю обрыва, просто чтобы получить нужную дозу ужаса, станет только совсем отчаянный. Вот человек и научился «хакать» сознание – предлагать ему видеть страшное там, где реальный угрозы нет. А оно – сознание в смысле – только и радо в этот обман верить. Ужастики жили с нами, как клопы в общежитии – с самого заселения на планету, – и пробудут до конца дней: они зарождаются в ночных лагерных историях со слепящим фонариком и заканчиваются многомиллионными голливудскими картинами. Хотя если подумать – «конец дней» сам по себе и есть один огромный ужас, но тут начинается философия чересчур высокого полета. Здесь, как Икару, недалеко и упасть, опалив крылья.

В любом случае, прекрасный механизм «взлома» сознания с помощью литературы – казалось бы, самого нереального и нематериального из всех искусств, – куда лучше, чем поход в темную, холодную и жуткую пещеру среди ночи.

Поверьте, безобидные тени Идеи на ее сводах может беззаботно видеть только Платон. В остальных случаях они оказываются чем-то куда более пугающим и голодным.

НЕСУДЬБА

На улице такой-то условного города, по не столь важному адресу, в безмянном и совершенно заурядном, без всяких намеков хоть на какую-то маленькую причуду доме проходило собрание одного весьма странного, если и вовсе не чудаковатого литературного Клуба.

Члены Клуба заварили чай, кофе и даже умудрились *заварить* кое-что покрепче; уже как раз рассаживались по креслам, расставленным в круг так, словно кто-то собирался призывать демона или, на крайний случай, обсуждать очередные коварные планы мировой закулисы.

Последним устроился поудобнее упитанный мужчина средних лет, слегка не дотягивающий фигурой до полноценной бочки, – он с наслаждением плюхнулся в кресло, держа в руках стакан не чая, и даже не кофе, а того самого *покрепче*. Потом мужчина неуверенно забегал глазками, прикидывая, что же прямо сейчас, в этот самый момент, пошло не так, – опомнившись, человек-бочонок вновь встал.

Мужчина откашлялся – да так, что комнату заштормило вибрацией.

– Двадцать шестое собрание Клуба Не Анонимных Литературных Героев я объявляю открытым! Итак, начнем с переключки. – Он залез под пиджак, вытащив стопку листов, и продолжил. Можно было подумать, что в его живот вмонтирована пара-тройка ящиков – отличный вариант для лю-

бого офисного работника. – Джейн Эйр?

– Здесь! – воскликнула дама, которая скорее походила на мисс Марпл, но прикладывала все усилия, чтобы повернуть время вспять, хотя бы визуально. С таким же успехом маленькие девочки мажутся маминой косметикой, думая, что теперь они выглядят как настоящие леди.

– Замечательно. Гамлет?

– Здесь!

К Гамлету вопросов с точки зрения внешности не возникало.

– Прекрасно! Мерлин?

– Как обычно, опаздывает, – заметил Гамлет.

– Но он никогда не опаздывает и не приходит слишком рано... – попыталась вставить свои пять копеек Джейн Эйр.

– Нет, дорогая Джейн, это вы не о Мерлине уже говорите, – поправил ее Гамлет.

Председатель назвал еще несколько имен, среди которых оказались доктор Джекил (в отсутствие мистера Хайда, по крайней мере сегодня), Том Сойер (сегодня он забыл набить карманы всякой всячиной – соответствующая пометка была сделана), капитан Немо и священник Фролло (сегодня он не выглядел так возбужденно, как обычно).

– Ну и наконец, – закончил председатель, поставив последнюю галочку, – второй Толстяк из всех трех Толстяков, то бишь я.

Джейн Эйр беспокойно ерзала в кресле, все никак не находя удобного положения. Предприняв очередную попытку устроиться покомфортнее, она уточнила:

– Мы не будем ждать Мерлина?

– Если бы мы каждый раз ждали его, – вздохнул Фролло, изучив Джейн своим мраморным, слегка отсутствующим взглядом и подперев голову рукой, – то ничего бы не успевали.

Джейн Эйр, не желая спорить со священником и опасаясь, чтобы тот ненароком не распознал в ней очередную Эсмеральду, просто пожала плечами и наконец-то смогла расслабиться. Она посмотрела на металлически блестящую седину Фролло и обрадовалась, что ей приходится делать все наоборот – прятать белые волосы под слоями краски, а не выставлять на показ. Но все знали, что священник не красится и не пользуется той противной (Джейн скорчилась) театральной пудрой – ему даже морщины не нужно было дорисовывать. Возраст, все возраст...

Клуб Не Анонимных Литературных Героев считали в городке верхом абсурда, выше которого уже просто не прыгнуть, голова упрется в потолок, нет, даже пробьет его – а там, еще выше, уже шизофрения. Поэтому самый заурядный дом, своим видом никак не намекающий на творившиеся внутри чудачества высшего сорта, обходили стороной в любое время суток, даже если никаких собраний там не было.

Члены Клуба такого отношения решительно не понимали – ну что такого, скажите на милость, в том, чтобы собираться и обсуждать книжки, примеряя роль любимого героя? Значит, говорили члены Клуба, актерам такое вытворять каждый день можно, а нам – нет; ну ведем мы себя в точности как наши любимые герои, да, но разве у других нет кумиров, которым они так или иначе подражают? Просто мы подходим к этому более основательно, с чувством, толком, расстановкой – и лишь в рамках собраний, не более!

Фролло прочистил горло.

– Ладно с ним, с этим нашим неблагочестивым и грязным магом... – Тут он скорчил такую недозвольную гримасу, что любое зеркало не выдержало бы. – Мерлином. Но куда сегодня запропастился Фауст? Этому господину несвойственно опаздывать, и я вижу в этом...

– Святой отец, – нахмурился Джекил в отсутствие (ясно дело, временном) Хайда. – Ваша придирчивость сегодня выходит за все рамки!

– Вот-вот! – добавила Джейн Эйр, хрустнув костя-

ми. – В моей семье не потерпели бы такого... *нахальства*. Вы же человек церкви, святой отец!

– И поэтому я избавляюсь от ереси. – Фраза прозвучала как-то слишком реалистично. – И вообще, настаиваю на исключении колдунов, алхимиков и *куртизанок* из нашего Клуба. Начать предлагаю с последних...

Он засверлил взглядом собеседницу. Джейн Эйр разинула беззубый рот.

– Святой отец! Да как вы...

В этот момент на первом этаже лязгнула дверь.

* * *

Перед тем как войти, запыхавшийся Фауст подумал: «Надо постучать ради приличия». Но тут же метлой погнал эту мысль прочь, потому что настоящий доктор Фауст поступил бы совсем по-другому – вошел бы, не церемонясь.

Поэтому дверь лязгнула так стремительно, что сама, поди, не успела опомниться, как открылась, скрипнув петлями.

Доктор Фауст – звали его, конечно же, не так, но он и сам не хотел помнить как, – шагнул за порог Клуба Не Анонимных Литературных Героев.

Вошедший прищурился от бьющего в глаза и обволакивающего зрачки желтого света, укрывающего взгляд одеялом, – коридор мерцал сепией. Прежде всего Фауст повернулся к зеркалу, поправил головной убор – что-то среднее между шляпой волшебника и ночным колпаком – и почесал бороду, которая выглядела уж как-то слишком... *неестественно*.

Вошедший рассматривал мерцающие желтым – наверное, думал он, из-за ламп, – глаза, слишком заспанные, со здоровенными синяками. Нет, это все *неправильно* – синяки могут быть у него, неидеального него, у Фауста их быть просто не может. Доктор должен выглядеть устало, но не настолько же – тем более игра уже началась. Сразу, как он шагнул за порог.

Говоря откровенно, игра не кончалась никогда.

С самого детства доктор Фауст был очень боязливым, но, в отличие от других детей, пугали его не те обыденные вещи, которые пулеметной очередью рожают страх в детских сердцах: темные комнаты, пауки, старые подвалы, фарфоровые куклы на бабушкиной антресоли... Фауст боялся чего-то неуловимого, странного, будто бы прячущегося в самих его поступках, решениях, – и только когда подрос, понял, что же это было за фантомное ощущение.

Фауст боялся прожить не такую жизнь, какую мог бы, а потому с ужасом принимал каждое решение,

опасаясь, что по своей глупости сделает все не так и не этак. Когда доктор открыл для себя местную библиотеку, этот лабиринт из шкафов, в которых чудовище с головой быка всегда заменяла сварливая библиотекарь – пусть голова у нее и была самая обычная, но с морщинистыми веками и гнилыми зубами, – Фауст стал пропадать там днями напролет, и его не то что за уши, буксиром оттуда вытянуть не получалось. Тут он глушил призрачный ужас на краю сознания: в книгах он находил героев, героев, жизнь которых казалась ему такой насыщенной и правильной, – читая, не надо было принимать колючие пугающие решения; достаточно просто наблюдать, как эти самые решения принимают персонажи, кусочки слов и букв на пожелтевшей бумаге – наблюдать, анализировать и, как ни парадоксально, бояться еще больше, понимая, что сам так точно не сможешь.

А потом Фауст, дойдя до одного из дальних шкафов, стоящих словно на границе с вражеским государством или, того пуше, с голодной преисподней, нашел там потерянный томик «Фауста».

И влюбился.

Доктор Фауст нашел для себя доктора Фауста, поняв: вот оно, вот так хочу и я, тоже хочу, чтобы *моя собственная жизнь была моей собственной*, такой же, как у Фауста. Получи все, отдав ничего – и, когда все кажется потерянным, сохрани свою душу. Фаусту, кстати, как читателю никогда не нравилась концовка – выходит, что за спиной у каждого летает ангел с дробовиком, готовый в нужный момент дать жару даже самому Князю Тьмы.

В те дни, зачитываясь Гете в пыльном зале библиотеки, за скрипящим столиком в свете слабой, болезненно моргающей лампы, Фауст наконец-то понял, как ему поступать, чтобы прожить именно свою жизнь, именно ту, которую хочется.

Спустя несколько лет в городе очень удачно появился Клуб Не Анонимных Литературных Героев, свалившись, как бидон воды в жаркой пустыне, – совершенно неожиданно, но очень к месту.

Режущий голову кривой мелодией скрипки скрип половиц отвлек Фауста от зеркала – доктор поправил бороду и повернулся в сторону лестницы.

– В следующий раз, – забасил спускающийся Толстяк, шагающий, словно ожившая статуя, ну, весу в нем было точно не меньше, – попробуй найти бороду *еще лучше*. Она до сих пор не выглядит натуральной. И прекращай опаздывать. Это выбивается из образа...

– Ты говоришь мне это каждый раз, и каждая новая борода тебя все еще не устраивает, – пробубнил

Фауст, потеряв острый нос, которым хоть дырки в бумаге делай. – И вообще, кхм, «волшебник не приходит рано, и не...».

– Это Гэндальф, а не Мерлин или Фауст, когда же вы все это уже запомните. Давно пора начислить вам штрафные баллы. – Второй Толстяк из трех задумчиво почесал щеку, размерами походившую на спутник газового гиганта. – И вообще, с каких пор ты начал выходить из роли? Уж кто-кто, а ты такого себе никогда не позволял.

Фауст внезапно сделался серьезным – по лбу, как по столетнему дереву, поползли глубокие морщины.

– Я цитировал, уважаемый председатель. Я даже пытался сделать так, чтобы мои кавычки, – он сделал характерный знак пальцами, – можно было отчетливо услышать. Вы правильно говорите, я не позволяю себе...

– Ладно-ладно, пойдем наверх, все уже заждались – Фролло вообще из тебя скоро будет бесов изгонять.

Доктор Фауст выдохнул – самым трудным всегда было становиться напористым и непоколебимым, когда под слоем всего маскарада жил мягкий комок, мечтающий о плеле, горячем чае и теплых батареях.

Они поднялись на второй этаж, где Фауст галантно скинул шляпу, обнажив лысину, обклеенную искусственными волосами, уселся, и очередное заседание Клуба Не Анонимных Литературных Героев продолжилось. Мерлина – со слов капитана Немо, «старого опоздун» – дожидаться уже не стали.

– Я требую штрафных баллов доктору Фаусту, – заговорил первым Фролло, с серьезным видом изучая доктора. – Прежде всего, за опоздание и за слишком недостоверную бороду...

– Ваше святейшество, – отозвался Фауст. – Моя работа не терпит задержек и недоделок, поэтому я пришел, как только смог.

Священник фыркнул.

– Ваша *работа!* Да, именно работа, конечно же...

– Да правда, какая муха вас сегодня укусила! – отозвался, как всегда, добродушный доктор Джекил (пока еще без мистера Хайда), и, как всегда, на «вы» – из него эту привычку битой было не выбить. – Ворчите больше обычного. Неужто опять цыгане?..

Фролло тяжело вздохнул, закатил глаза и сказал, обращаясь словно к небесам:

– Я встретил *ее*.

– Боже! – Джейн Эйр, та самая, которая давно уже мисс Марпл, перекрестилась. Второй раз за день у нее как камень с души упал – хорошо, что это

не она, при ее-то привлекательности... легко жить, когда считаешь себя юной леди, разящей мужчин наповал, – какая разница, что там думают остальные, если у них мозги не на месте? – И что же это за бедняжка?

– Ее *глаза...* и *волосы...* – Фролло словно уже ушел в астрал, давно разговаривая с ангелами.

Джейн Эйр еще раз тяжело выдохнула – да, такого Рочестера она никогда бы не ждала; женщина... точнее, эм, чтобы без обид, *девушка*, поправила нашейный платочек – движение получилось как у мумии, да и та наверняка двигалась бодрее. Джейн ждала жениха, даже не догадываясь, что ее уже давно заждался только мавзолеей или кунсткамера – на выбор.

– Прелестно! – рассмеялся капитан Немо. – Ты же наш старый ловелас. И как у тебя сил хватает? Помню, я как-то раз...

– Так, так, хватит, господа, хватит! – Второй Толстяк из трех вскочил из кресла – окружающее пространство второй раз за день затряслось, как желе. – Очень рад, что его святейшество отлично вжился в роль, это замечательно... Давайте к другим темам. Уважаемый Фауст...

Доктор вздрогнул – главное, все сделать правильно, главное, все сделать правильно...

– Как ваши успехи? – Толстяк сел.

– О, – откашлялся доктор. – Давеча, дня два назад, я завел себе пуделя...

– Надеюсь, черного? – хихикнула Джейн Эйр.

– Чернее, чем уголь моих глаз, – кивнул Фауст.

– Но... – Доктор Джекил (явно не ждавший сегодня в гости мистера Хайда) поправил круглые очки в тонкой оправе. – Если меня не подводят память, вы терпеть не могли собак? Я помню, когда Джейн Эйр привела...

Фауст всегда любил кошек и только кошек, мог часами гладить их и терпел все их наглые кошачьи выходки, а вот с собаками у него всю жизнь особо не клеилось: иной раз ему даже страшно было проходить мимо, безобидные песики почему-то казались концентрацией вселенского зла, которая оттяпает ногу в любой момент. Особенно те маленькие и бесконечно лающие на таких высоких тонах, что соседние стекла просто чудом не начинали трескаться, разлетаясь на осколки. Но недавно Фауст подумал, что... что он, *Фауст*, завел бы именно пса, уж для полной гармонии – большого смольно-черного пуделя.

В питомнике у доктора чуть не случился инфаркт, но он все же сделал это. Два дня каждая утренняя прогулка с новым питомцем превращалась

словно в променад по старому подвесному мосту над жерлом проснувшегося вулкана.

– Что за доктор Фауст без черного пуделя? – улыбнулся доктор, еле заметно вздрогнув и подумав при этом: «И что за *я* без доктора Фауста?..»

– Смотрите! – крикнул вдруг молчаливый Гамлет. – За окном уж тучи набегали! Ох, не к добру все это. Помню, мой дядя, что нечестных правил...

– Успокойтесь, – подхватил Том Сойер, крутя в руках соломенную шляпу, сделанную мастером так, что она не налезала ни на чью другую голову. – Дождь – это просто дождь, вот если бы тут была река, на которую мы с Геком...

Тут Фролло, все это время молчаливый и задумчиво смотревший в окно, где серые тучи смыкали свою пасть над небом, сказал, не отводя взгляд от окна:

– Я перестал принадлежать себе. Другой конец нити, которую дьявол привязал к моим крыльям, он прикрепил к твоей ножке... – Вновь затих и добавил: – И кофе твоих волос...

Все члены Клуба, особенно те, кто любили перечитывать французскую классику до посинения, разом замолчали.

Фаусту показалось, что в самом углу его зрачка мелькнуло что-то *яростно-фиолетовое* – уж не гроза ли?

– Эм... я думаю, время выпить! Всем освежающего, наваристого пива! – хлопнул в ладоши Толстяк-председатель.

Фауста накрыла волна блаженства – он душу дьяволу был готов продать за кружку холодного, освежающего и любимого темного пива и уже было открыл рот, чтобы выразить солидарность, но только вот... *Фауст* пива бы никогда не пил.

Доктор нахмурился, «*спокойно, ты поступаешь так, как правильно; то, чего ты хочешь – не так, неверно, а вот то, что сделал бы Фауст... другое дело*».

– Вина, – вскинул руку Фауст. – Хорошего красного вина...

– Проследите, чтобы оно чудесным образом потекло из неподходящего для этого бочонка! – рассмеялся Том Сойер.

– А мне тогда... – задумалась Джейн Эйр. – Чаю!

Она знала – благородные леди пьют крепкие напитки только после шести вечера. На часах было без пяти шесть.

Толстяк вздохнул. Ну почему никогда нельзя обойтись просто пивом?

– Еще пожелания?

Фролло все молчал, серым взглядом смотря в окно: мелкий дождь, бусинами сыпясь из набухших туч, падал на брусчатку, и капли его со зво-

жизнь, которая будет правильной, ту жизнь, которую будет не страшно жить, ту жизнь, которая будет лишь его и только его, – по правильным стопам, по навигационным маякам доктора Фауста...

Холодный мрак внутри давно уже превратился в клубящийся пар, от которого хотелось кашлять, – проще задохнуться, чем терпеть это... Фауст перевел взгляд на Фролло – на Фролло, ставшего *настоящим Фролло*. Они, все они, примеряли на себя чужие судьбы, нося их, как костюмы на маскараде, бережно выглаживая перед каждым собранием и снова кладя на полку, – но иногда личины твердели, как цемент, как засохший клей; тогда, когда они сами давали им это сделать, когда слишком вживались, когда игра выходила за рамки и судьбе надоедало, что с ней играют, – вот тогда она наносила ответный удар, сотрясала воздух, и костюм становился стальным чехлом, отодрать который было невозможно, и сам ты становился стальным чехлом лишь с голодной пустотой и воющим ужасом внутри – ужасом, что стал другим, потерял в себя в надежде...

...В надежде быть правильным собой, в надежде правильной жизни, в надежде своей жизни...

Судьба с удовольствием играет в игры, но только с условием, что победит – не иначе.

Мир вокруг загудел, звуки смешались в оркестр глухих музыкантов, и через эту симфонию далеким морским ураганом летел белый шум, губкой вобравший в себя голоса, хлюпанье воды, слезы и собственные мысли... В этом месиве доктор Фауст услышал вопрос, абсолютно точно обращенный к нему:

– Простите, не из греческих трагедий вы только что читали монолог?

– Что? – перепугался доктор, схватившись за голову.

– Я говорю, – повторил второй Толстяк из трех, – с тобой все в порядке? У тебя губы белые, и ты еле-еле на ногах стоишь... а еще твой черный пудель прибежал сюда – ты дверь, похоже, не закрыл. Ого, ты не говорил, что он такой здоровый! – Я...

...Как Фауст, как Фауст, как Фауст – конечно, тропинка из тонкого льда, из-под которой на тебя смотрят пустые, обреченные глазницы; тропинка, что ведет к ледяному озеру, где непременно ждет он – он, тот холодный и пугающий страх, не умеющий играть в прятки.

Как Фауст, как Фауст, как Фауст... *получить все, чтобы потерять все.*

Уже не понимая, где люди, а где лишь бледные тени, каскады из слов; где его собственные мысли, где – чужие, а где – слова, разговоры, шум послед-

них капель дождя, доктор посмотрел на черного пуделя, будто растекающегося чернилами, и снова услышал вопрос, и снова – обращенный к нему:

– Что вам угодно? Честь предстать имею.

Тогда, сам не понимая, нашел он себя или потерял, доктор Фауст ответил:

В любом наряде буду я по праву
Тоску существования сознать.

Я слишком стар, чтоб знать одни забавы,
И слишком юн, чтоб вовсе не желать.

Что даст мне свет, чего я сам не знаю?

«Смирная себя!» – Вот мудрость прописная,

Извечный, нескончаемый припев,

Которым с детства прожужжали уши,

Нравоучительной этой сущью

Нам всем до тошноты осточертев.

Я утром просыпаюсь с содроганьем

И чуть не плачу, зная наперед,

Что день пройдет, глухой к моим желаньям,

И в исполненье их не приведет...

